Тема войны является сквозной в творчестве М. Шолохова. В страшный и трагический русский XX век и не могло быть иначе. Стихия войны тогда стала не просто частью мироощущения, но и способом понимания сущности жизни – как битвы за добро и правду против зла и лжи. Именно таково художественное мышление М. Шолохова, выросшее из битв за правду, пусть и не вечную, а сугубо земную, часто даже весьма приземлённую правду – но именно ту Правду, ради которой стоит жить и не страшно умирать.

Роман «Они сражались за Родину», к сожалению, в общем восприятии творчества писателя обычно отходит на второй план, в тень «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Но можно утверждать, что и в этом произведении есть свои особые ценные художественные открытия. Одно из важнейших и самых актуальных из них – нравственное преображение человека в условиях войны – в наше время не относится к числу популярных тем. Однако значимость этой темы не сводится к военному аспекту, и её нужно понимать шире, в её главном экзистенциальном содержании. Это тема преображения человека в результате экстремальных жизненных испытаний – универсальная тема всей классической литературы. Но она совершенно по-особому раскрылась у М. Шолохова – в силу его народного трагически-мужественного взгляда на жизнь, и в силу самой жизни, которую ему довелось пережить и воплотить в своём преображающем слове.

Поэтому особенно важен в наше время анализ этого главного духовно-экзистенциального мотива и главного сюжета романа – не просто подвига на войне как эмпирического события – но внутреннего преображения человека как основы и результата этого подвига. Такой аспект рассмотрения творчества М. Шолохова вписывается в общую парадигму актуализации

его наследия не только в России, но и в мире. Так, например, современный немецкий литературовед В. Бейтц отмечает, что «пришло время взвешенной оценки этого русского писателя, который является самым значительным романистом XX столетия с Нобелевской премией за 1965 год»[1]. В своей книге «Михаил Шолохов – в дуэли со временем. Очерки о жизни и творчестве» (Франкфурт-на-Майне, 2009)[2] В. Бейтц выявляет широкую историческую амплитуду присутствия творчества М. Шолохова в духовной жизни России и Германии.

В литературе о творчестве М. А. Шолохова роман «Они сражались за Родину», как правило, рассматривается в весьма тривиальном ключе. Так, например, в книге В. В. Гуры «Жизнь и творчество М. А. Шолохова» (1960) сказано: «со всей силой развёртывается в новом романе Шолохова его эпическое дарование, мастерство масштабного изображения жизни, лепки человеческих характеров, проникновения в народные думы и чувства»[3]. То есть, здесь отмечено лишь то, что уже было в его предыдущих произведениях.

Уже в 2005-м году в статье Т. О. Осиповой «Великая Отечественная война в творчестве М. А. Шолохова» автор отмечает, что в романе «Они сражались за Родину» «прозвучали пронзительные строчки о хрупкости человеческой жизни»[4]. Это роман, пишет автор – «едва ли не первое произведение, в котором передан не только героизм защитников Отечества, но и неразбериха, сумятица первого, самого страшного этапа войны, когда по степям бродят какие-то дикие части, донских казаков «определяют в саперы и телефонисты», а «ремесленников воткнули в кавалерию»»[5]. Тем самым, здесь исследователь обращает своё внимание исключительно на социально-историческую, а не на художественную предметность романа. Поэтому задача данной статьи состоит в том, чтобы прояснить именно «антропологический» аспект поэтики романа, связанный с нравственной транс-

---

[1] Beitz W. Michail Scholochow – im Duell mit der Zeit. Beiträge zu Leben und Werk. – Frankfurt am Main, 2009. S. 552.

[2] См.: Beitz W. Michail Scholochow – eine terra incognira? // Utopie kreativ. H. 188. 2006. Juni. S. 542-552.

[3] Гура В. В. Жизнь и творчество М. А. Шолохова. – М.: Учпедгиз, 1960. С. 238.

[4] Осипова Т. О. Великая Отечественная война в творчестве М. А. Шолохова // Шолоховские чтения. Творчество М. А. Шолохова в контексте мировой культуры. Сборник статей, посвященный 100-летнему юбилею писателя. – Ростов-на-Дону: Обл. ЦТТУ, 2005. – С. 169.

[5] Там же.

формацией личности в условиях войны, и средства его художественного воплощения.

Первые главы из романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину» газета «Правда» начала печатать в мае 1943 года. По замыслу писателя, это должна была стать трехтомная эпопея о борьбе советского народа в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков. В первой книге повествуется о начальном этапе войны; второй том должен был быть посвящён битве за Сталинград; третий – наступлению Советской Армии и изгнанию врага. Опубликованные в 1943-1944 годах вышли главы из первого тома романа, но лишь в 1954 году в «Ленинградском альманахе» появилась глава, которой должен был начинаться роман. Ею писатель предполагал открыть широкое эпическое повествование. Тем самым, роман писался как бы из середины, а не с начала, точнее, с середины первого тома. Однако второй и третий том так и не вышли, хотя писатель работал над ними до конца своей жизни, пытаясь продолжить эпопею.

«Мне приходилось видеть, – свидетельствовал в 1975 году писатель Виталий Закруткин, – как где-нибудь на перекрёстке пустынных степных дорог Шолохов останавливал автомобиль у одинокой могилы с простым надгробием, с вырезанной из жести красной звездой и подолгу стоял, низко опустив седеющую голову… Так был задуман большой эпический роман «Они сражались за Родину», над которым М. А. Шолохов работает до сих пор. Множество людей на разных литературных встречах, читательских конференциях, вечерах постоянно задают нам, писателям, живущим на Дону, один и тот же вопрос: когда Михаил Александрович закончит давно начатый роман об Отечественной войне? Трудно отвечать на этот вопрос. Трудно потому, что нам, знающим Шолохова, известна его твёрдая, доходящая подчас до жестокости, требовательность к себе… Я знаю, как изменялся, переделывался в процессе работы первоначальный план романа «Они сражались за Родину», как новые встречи с людьми, чья судьба заставила бы любого склонить голову перед ними, вдруг круто поворачивали, ломали уже вроде бы до конца продуманный сюжет книги»[1].

В новом собрании сочинений М. Шолохова, которое вышло уже в 2000-2001 годах, была опубликована максимально полная версия текста этого романа, то есть были включены

---

[1] Закруткин В. Обходя моря и земли… // Наш Шолохов. Слово о великом земляке. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1975. С. 23.

фрагменты, в свое время исключенные цензурой. В основном они имели характер политических и житейских рассуждений, не вписывавшихся в тогдашний «канон» изображения великой Войны. Впрочем, этих купюр оказалось немного по объёму. Тем не менее, даже и в таком виде роман был не закончен – несмотря на десятилетия работы над ним. В итоговой публикации тех глав, которые М. А. Шолохов отдал в печать, так и остались даты написания: 1943-1944, 1969. На наш взгляд, такая незавершённость задуманного имеет свой смысл – она свидетельствует о том, что писатель, несмотря на всё своё желание, решил не «достраивать» роман до трехтомного объёма. Видимо, и черновики продолжения не удовлетворяли автора, и сама эта незавершённость становилась особым символом.

В теоретической эстетике существует известный парадокс non finito, суть которого в том, что незавершённость произведения может выступать как особый тип его смысловой завершённости, предполагающий не только открытость для дальнейших интерпретаций, но и, кроме того, что ещё существеннее – указывающий на сущностную незавершённость самого его смысла, т. е. на особую глубину и непостижимость того художественного и жизненного события или явления, которое стало предметом произведения. Тем самым, здесь сама незавершённость как таковая должна рассматриваться как особый художественный факт, отражающий отношение автора к тому огромному событию в жизни народа, которое он хотел воссоздать во всей его смысловой и художественной полноте и противоречивости.

Кажется, самой этой незавершённостью исполнения своего изначального замысла М. А. Шолохов говорит нам об особой огромности события, каким была эта Война, и которую не постигнуть гению одного человека. Тем самым, он указывает на необходимость соборного видения разных авторов, разных художественных концепций войны. И скромно отказываясь от продолжения романа, автор указывает именно на это. Умолкая, автор делает усилие над собой и вдохновляет усилия других. Это умолкание само по себе есть акт нравственного усилия над собой ради общего дела – народного осмысления Войны.

И это умолкание тем более оправдано, что опубликованные главы сами по себе составляют целостный и замкнутый в себе самодостаточный сюжет, который способен оказать на читателя мощное преображающее воздействие. Общая смысловая структура этого сюжета, как мы постараемся показать далее, состоит в архетипическом переходе от состояния хаоса и го-

сподства зла в жизни людей через подвиг и самопожертвование к восстановлению сил добра и созиданию обновлённой жизни. Этот процесс преодоления и перехода как преображения происходит как единое целое и человеческой душе, и в жизни целого народа, поставленного войной на грань жизни и смерти.

Ещё четверть века назад Л. Аннинский отметил два типа восприятия смысла войны в соотнесении с мирным временем в послевоенной русской литературе, взяв для этого примеры Б. Окуджавы и А. Рыбакова. Он писал: «От Окуджавы идёт антитеза: арбатский двор – окоп войны; поколение Арбата – светлая молодость, брошенная во тьму битвы. У Рыбакова этот мотив есть, но как бы перевернутый: из тьмы предвоенных лет – на свет и в ясность войны»[1]. Тип восприятия, который затем проявился у А. Рыбакова, был, как мы видим здесь вполне отчетливо, впервые дан уже у Шолохова именно в этом романе.

В первой главе состояние хаоса и господства зла в жизни людей является смысловой основой изображаемых событий. Так, уже первый по-настоящему весенний день 1941 года безрадостно начался для агронома Николая Стрельцова. В его семье назревает тяжёлая драма, и он гонит мысли о своей нескладной жизни с женой, «обо всём том, что последнее время лежало у него на сердце, как постыдная и горькая тяжесть, ни днём, ни ночью не шло с ума и мешало по-настоящему жить и работать»; «еле ощутимый поначалу холодок в их отношениях всё больше крепчал, становился пугающе привычным. Он входил в жизнь, превращался в неотъемлемую часть её, и с этим уже ничего нельзя было поделать… С болью, с тоскливым выжиданием Николай чувствовал, как с каждым днём Ольга отдаляется от него, уходит всё дальше, а он уже не в силах ни ласково окликнуть её, ни вернуть». (Здесь и далее – цитирование по изданию 1986 года[2] без указания страниц). Опустошённый своим горем, Стрельцов ушёл в себя, замкнулся. Тяжело переживает он всё это и в дни войны, когда судьба сводит его с фронтовыми друзьями, Иваном Звягинцевым и Петром Лопахиным.

Бывший хлебороб Стрельцов, как во сне, вспоминает картины недавнего боя, убитого пулемётчика, усеянного «золотистыми лепестками подсолнуха, причудливо и страшно окроплёнными кровью», и тут же несвязно думает о том, что «подсолнух

---

[1] Аннинский Л. Отцы и дети Арбата // С разных точек зрения: «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова. – М.: Советский писатель, 1990. С. 26-27.

[2] Шолохов М. А. Они сражались за Родину. Главы из романа // Шолохов М. А. Собр. соч. в 8-ми томах. – Т. 7. – М.: Худ. литература, 1986. – С. 7-200.

не пропололи, наверное, потому, что в колхозе не хватало рабочих рук; что во многих колхозах вот так же стоит сейчас ни разу не прополотый с весны, заросший сорняками подсолнух». Но, когда после изнурительных боев и трудного перехода вступил Стрельцов вместе с разбитым полком в маленький степной хутор, увидел мирные казачьи хаты, окружённые садами, рыжих телят, лениво пощипывавших выгоревшую траву, белую занавеску в распахнутом окне, миром и покоем пахнуло на него; широко открыл он глаза и затаил дыхание, «словно боясь, что эта знакомая и когда-то давным-давно виденная картина мирной жизни вдруг исчезнет, растворится, как мираж в знойном воздухе». А Иван Звягинцев, забыв об усталости, на первом же привале помогает чинить застрявший на дороге тягач и, довольный таким случаем, сияет бесхитростным счастьем, радуется, что такая машина «смело три сцепа комбайнов попрёт». И уже в этой минутной радости Стрельцова и в этом бесхитростном счастье Звягинцев – дан прообраз того глубокого преображения личности, которое они переживают на войне.

Герои Шолохова жестоко сражаются за Родину, но все они жаждут мира и труда, и поэтому, по-солдатски наспех отдохнув, курят в холодке под плетнём, вдумчиво и обстоятельно толкуют о хозяйственных делах, о том, что «хлеба хороши в этом году повсеместно, что лобогрейками трудно будет косить такую густую, полёгшую пшеницу, что женщинам тяжело будет управляться с уборкой». Эти люди не думают о смерти, хотя она каждый день ходит с ними рядом. Хозяйская совесть Лопахина не позволяет на переправе оставлять врагу технику. Звягинцев негодует на лётчиков, прилетевших после «шапочного разбора», чтобы «государственное горючее зря жечь». По-особому тоскует его душа, когда он видит горящий спелый хлеб. Преображение смерти и зла в созидаемую жизнь и добро всё время происходит в душе русского солдата – и именно это преображение даёт ему почти сверхчеловеческие силы для победы и будущего восстановления страны.

Чрезвычайно характерен эпизод, в котором бывший шахтёр Петр Лопахин пытается восстановить бодрое состояние духа у Стрельцова. Приведём большую цитату. Лопахин говорит ему:

«– Нет, серьезно! При таких достоинствах женщина, при такой красоте, что просто ужас! Не докторша, а шестиствольный миномет, даже опаснее для нашего брата солдата, не говоря уже про командиров.

Николай молча, угрюмо смотрел на отражение белого облачка в воде, и тогда Лопахин сдержанно и зло заговорил:

– А я не вижу оснований, чтобы мне по собачьему обычаю хвост между ног зажимать, понятно тебе? Бьют нас? Значит, поделом бьют. Воюйте лучше, сукины сыны! Цепляйтесь за каждую кочку на своей земле, учитесь врага бить так, чтобы заикал он смертной икотой. А если не умеете, – не обижайтесь, что вам морду в кровь бьют и что жители на вас неласково смотрят. Чего ради они будут нас с хлебом-солью встречать? Говори спасибо, что хоть в глаза не плюют, и то хорошо. Вот ты, не бодрячок, объясни мне: почему немец сядет в какой-нибудь деревушке, и деревушка-то с чирей величиной, а выковыриваешь его оттуда с великим трудом, а мы иной раз города почти без боя сдаём, мелкой рысью уходим? Брать-то их нам же придётся или дядя за нас возьмёт? А происходит это потому, что воевать мы с тобой, мистер, как следует еще не научились и злости настоящей в нас маловато. А вот когда научимся да когда в бой будем идти так, чтобы от ярости пена на губах кипела, – тогда и повернётся немец задом на восток, понятно?.. Я так думаю, а тебе вот что скажу: при мне ты, пожалуйста, не плачь, всё равно слез твоих утирать не буду…»

Что раскрывается в этой беседе через такой особый характер Лопахина и его манеру выражаться (столь точно переданную В. Шукшиным в фильме С. Бондарчука – собственно, В. Шукшину здесь ничего и не нужно было «играть» – он относится к тому же самому очень яркому народному типу человека, гениально схваченному М. А. Шолоховым)?

Здесь раскрывается, с одной стороны, та самая удивительная для других «широта русского человека», а с другой – его совестливость и сила духа. Лопахин так легко переходит от восторгов женщиной, которыми он хотел воодушевить Стрельцова, к горьким и вдохновенным словам о войне – вряд ли ещё какой-либо национальный характер мог бы так естественно вместить это в одном переживании. За полчаса до боя или через полчаса после боя Лопахин ведёт себя так, словно никакой войны вообще нет – он мгновенно влюбляется в казачек в каждой станице, старается всем помочь и всё время балагурит с таким тонким и естественным юмором, на которой не способны никакие «профессиональные» сатирики и артисты. Народный тип человека, данный автором в Лопахине, характерен не только «весёлым лукавством ума, насмешливостью и живописным способом выражаться», о которых писал А. С. Пушкин как об особых чертах русского человека, но самое главное, что делает именно этот характер «становым хребтом» России – это сочетание неверо-

ятной внутренней доброты (явной и в названных чертах), открытости и скромности с невероятной волей и бесстрашием в сражении за Правду, ради которой он не пожалеет и самой жизни, вообще не думая о смерти, но думая лишь об общем деле.

Другой народный тип человека, данный в Стрельцове, выражает то же самое сочетание русских черт характера, но совсем иначе – почти прямо противоположным образом. Это человек, углублённый в свой внутренний мир – но не по причине сосредоточенности на своём «я», а как раз наоборот, вследствие особой чувствительности и сопереживания ко всему, что происходит в мире. Но оба эти типа одинаково *совестливы* и видят смысл жизни в творении добра и самопожертвовании. В этом их кровное единство.

Поэтому «насмешливый, злой на язык, бабник и весельчак, Лопахин словно бы дополнял всегда сдержанного, молчаливого Николая», и поэтому старшина Поприщенко не раз говорил: «Если бы Петра Лопахина и Николая Стрельцова превратить в тесто, а потом хорошенько перемесить то тесто и слепить из него человека, может, и получился бы из двоих один настоящий человек, а может, и нет, кто ж его знает, что из этого месива вышло бы?». Из этого «месива» выходит целостный и многогранный народный характер; но эта авторская ремарка имеет и более глубокий смысл – в ней выражено глубокое народное стремление к целостности и полноте человеческой личности, к преображению человека в соответствии с нравственным образцом. И это стремление лишь усиливается на войне.

Состояние хаоса, порождённого социальными катаклизмами начала XX века, составляет то исходное состояние жизни, которое преодолевается, преображается через войну. И это происходит как единый процесс и в жизни каждого человека, и в жизни целого народа. Еще в первой главе романа Александр Михайлович, ранее репрессированный, а теперь освобождённый и получивший новое назначение генерал рассуждает о состоянии страны следующим образом. Он вспоминает свой разговор со Сталиным после военных учений: «Сталин и говорит: «Ну, и что из того, что бывший офицер? Офицеры бывают разные. Под Царицыном в восемнадцатом году… попал к нам в плен раненый казачий офицер. Пулемётной очередью был ранен в обе ноги, в мякоть, кости не были затронуты. Мы с Ворошиловым решили с ним поговорить. Приходим. Лежит на носилках, на цементном полу. Спрашиваем: «За что вы с нами воюете?». Плюётся, кричит: «С большевистскими комиссарами

я не разговариваю!». Во второй раз к нему пришли. Молчит. В третий раз. Походили, привык, стали разговаривать. Ведём с ним политические беседы, разъясняем что к чему... А теперь он у нас в больших военачальниках ходит»… В восемнадцатом году его заинтересовала судьба одного вражеского офицера, а двадцать лет спустя не интересуют судьбы тысяч коммунистов. Да что же с ним произошло? Для меня совершенно ясно одно: его дезинформировали, его страшнейшим образом вводили в заблуждение, попросту мистифицировали те, кому была доверена госбезопасность страны, начиная с Ежова».

Таким образом, этот герой, как, очевидно, и сам М. А. Шолохов, глубоко понимает чрезвычайную сложность и парадоксальность той жизни государства, которая сложилась после революции и породила массовые репрессии людей. С другой стороны, в рассуждениях героев даже об этих страшных событиях у М. А. Шолохова также доминирует императив видения жизни как преображения. Вот так, например, освобождённый генерал рассказывает о себе простому колхознику: «За мной, отец, никакой вины не было, по ошибке осудили. Ты же знаешь, я не за кражу сидел, а темнишь в разговоре, сравниваешь. Но Божий дар с поросятиной нельзя сравнивать, не то сравнение получается. Тогда если бы за четыре кило краденого хлеба не сажали, так воровали бы по четыре центнера на душу, верно, папаша? – Это уж само собой. Растянули бы колхозы по ниточке! – Ну, вот мы с тобой и договорились. – Александр Михайлович рассмеялся. Тихонько рассмеялся и овчар».

А в ответном рассказе колхозника ещё глубже раскрывается вся трагическая правда тех лет, которая показывает не только жестокость власти, но и коллективный грех народа, от которого он должен избавиться: «У нас на хуторе один я с простиной в голове, а остальные все умные, все в политику вдарились. Вот, к примеру, залезет Иванова свинья к соседу Петру в огород, нашкодит там, а Петро – нет чтобы добром договориться, вот как мы с тобой, – берёт карандаш, слюнявит его и пишет в ГПУ заявление на Ивана: так, мол, и так, Иван, мой сосед, в белых служил и измывался над красноармейскими семьями. ГПУ этого Ивана за воротник и к себе на гости приглашает. Глядишь, а он уже через месяц в Сибири прохлаждается. Брат Ивана на Петра пишет, что он, мол, сам в карателях был и такое учинял, что и рассказать страшно! Берут и этого. А на брата уже карандаш слюнявит родственник Петра. Таким манером сами себя пересажали, и мужчин в хуторе осталось вовсе намале, раз-два и

обчелся. Теперь в народе моих хуторян «карандашниками» зовут. Вот ведь как пересобачились. Вкус заимели один другого сажать, все политиками заделались. А раньше такого не было. Раньше, бывало, за обиду один другому морду набьёт, на том и вся политика кончится. Теперь – по-новому.

– И ты, отец, на кого-нибудь писал?

– Бог миловал».

И людей не покидает надежда на преодоление этого кровавого зла, на преображение страны и власти. Они рассуждают так:

«– Как думаешь, почему брата освободили?

Стрельцов молча пожал плечами. Вопрос застал его врасплох.

– Ну все-таки, как ты соображаешь?

– Наверное, установили в конце концов, что осудили напрасно, вот и освободили.

– Ты так думаешь?

– А как же иначе думать, Степаныч?

– А я так своим простым умом прикидываю: у товарища Сталина помаленьку глаза начинают открываться.

– Ну, знаешь ли... Что же, он с закрытыми глазами страной правит?

– Похоже на то. Не все время, а с тридцать седьмого года.

– Степаныч! Побойся ты Бога! Что мы с тобою видим из нашей МТС? Нам ли судить о таких делах? По-твоему, Сталин пять лет жил слепой и вдруг прозрел?

– Бывает и такое в жизни...

– Я в чудеса не верю.

– Я тоже в них не верю, но как-то надо нам объяснить этот случай с твоим братом?»

И вот именно в таких непонятных и трагических условиях и приходит Война, тем самым усиливая до предела ситуацию последнего выбора – то ли очистится страна от охватившего её умопомрачения смерти, то ли окончательно погибнет. Это «мирная» жизнь вполне выявила то зло, то гибельное состояние жизни, которое теперь преодолевается, преображается только через войну, через новые страшные испытания. Но только они могут избавить от господства зла и террора через подвиг и самопожертвование к восстановлению сил добра и созиданию обновленной жизни.

Как известно, около миллиона бывших советских граждан в этот период служили (хотя и не обязательно воевали) на стороне Гитлера. Это те люди, которые разуверились в своей Ро-

дине, они решили, что всю ту несправедливость, которую им пришлось от неё вынести, простить уже нельзя, и поэтому перешли на сторону врага. Эта трагическая нравственная коллизия войны в художественной литературе до сих пор осмыслена явно недостаточно. Образ предателей-«власовцев» всегда был однозначным и никто в него особенно не углублялся. В романе М. Шолохова его вообще нет. Однако в данном романе во всей глубине показана эта трагедия разочарования в своей Родине многих людей, которое и привело их на сторону врага. Герои романа «Они сражались за Родину» ценны не только своими подвигами в бою, но в первую очередь тем, что сумели преодолеть в себе все личные обиды и сомнения и остаться верными своей Родине несмотря ни на что. Именно в этом – непреходящая нравственная ценность романа, которая делает его всегда актуальным, давая образец нравственного подвига всем будущим поколениям.

Как видно и из сюжета романа, и на самой войне тоже изначально господствует то же самое деградированное, злокачественное состояние народной жизни, которое проявляется в военных поражениях и отступлении. Показано много фактической бестолковщины, когда, например, в конницу набирают людей, никогда не видевших лошади, а прирожденных казаков отправляют в телефонисты. Поэтому чтобы победить, сам народ ещё должен преобразиться – иного пути нет, в своем изначальном, довоенном состоянии он обречён на поражение. Никто так пронзительно, как Шолохов, не выразил то двойственное отношение народа к отступающей Красной Армии, которое на самом деле было, но о нём старались не писать. С одной стороны, народ продолжал надеяться на армию и помогал ей, как мог – но с другой – были и страшные, горькие и грозные упреки старухи, у которой Лопахин попросил ведро и соли, чтобы сварить раков, но после этих упреков ретировался, переживая стыд, позор и горечь.

Но особенно пронзительной является сцена, в которой женщины просят прощения у солдат за то, что раньше считали их трусами, а потом обнаружилось, что они герои, но стеснялись рассказать о своих настоящих боях: «Знатьё, что это вы там бой принимали, по-другому бы и встретили вас. Старший ваш, рыженький, седенький такой старичок, ночью к председателю ходил, рассказал ему, как вы жестоко сражались. Ну, гляжу – на рассвете председатель чуть не рысью к моему двору поспешает. «Промашка, – говорит, – вышла, Наталья. Это – не бегунцы, – говорит, – а герои. Режь сейчас же курей, вари им лапшу,

чтобы эти ребята были накормлены досыта». Рассказал мне, как вы оборонялись на Подъёмском, сколько потерей понесли, и я сейчас же лапшу замесила, восемь штук курей зарубила и – в котел их. Да разве нам для наших дорогих защитников каких-то несчастных курей жалко? Да мы всё отдадим, лишь бы вы немца сюда не допустили! И то сказать, до каких же пор будете отступать? Пора бы уж и упереться... Вы не обижайтесь за чёрствое слово, но срамотно на вас глядеть...».

В этом жизненном катарсисе уже дан символ и прообраз того нового состояния армии и всего народа, которое привело его к Победе и будущему нравственному возрождению. Завершается роман сценой поднятия сохранённого полкового знамени перед горсткой уцелевших и сохранивших знамя бойцов. Здесь, в концовке романа, Шолохов показывает ту внутреннюю тайну, то главное нравственное «ядро» русского человека, которое даёт ему силы встать и возродиться в самой безнадёжной ситуации – это та смиренная любовь к Родине, которая обычно почти не видна в повседневности, но раскрывается лишь в редкие мгновения беззащитности человеческой души: «Сжав челюсти, Лопахин стоял не шевелясь, и лишь тогда, когда услышал справа от себя глухой, задавленный всхлип, – слегка повернул голову: у старшины, у боевого служаки Поприщенко вздрагивали плечи и тряслись вытянутые по швам руки, а из-под опущенных век торопливо бежали по старчески дряблым щекам мелкие, светлые слезы. Но, покорный воле устава, он не поднимал руки чтобы вытереть слезы, и только всё ниже и ниже клонил свою седую голову...».

За всей пронзительной образностью Шолохова стоит его особое художественное видение человека, без постижения которого невозможно в полной мере понять замысел его произведений. По важному свидетельству известного писателя-«деревенщика» и ныне здравствующего В. Крупина, Шолохов говорил, что самое главное, заветное для него – это показать «очарование человека»[1]. Именно это неизменное «очарование человека» и очарование человеком – таким, какой он есть – составляет художественную доминанту мира Шолохова именно потому, что через эту очарованность мы видим не худшее в человеке, а наоборот, самое лучшее в нём – то, благодаря чему он способен к нравственному возрождению и преображению. Именно поэтому для Шолохова нет людей «великих» и «малых», «героев» и «массы» – все люди для него одинаково ценны и интересны, потому что каждый из них по-своему являет одну и ту же

[1] Крупин В. В гостях у Шолохова // Советская Россия. 1967. 25 августа. С. 5.

общую тайну жизни – тайну преображения и возрождения человека, проходящего через испытания. Поэтому, как об этом не раз уже справедливо писали исследователи, «Шолохов заставляет неизменно помнить, что душевная жизнь «простого человека» может быть удивительно многосложной, а мысль – способной на исключительную мировоззренческую активность в поисках правды, не только для себя, но и для целого народа»[1].

Есть много свидетельств того, что шолоховский роман был близок и дорог фронтовикам. «Вашу книгу, – писал Шолохову капитан Хондочий, – я ношу так же, как и мои товарищи, всегда с собой в сумке. Она нам помогает жить и сражаться»[2]. Но далеко не каждая книга о войне может помогать на реальной войне! В романе М. А. Шолохова действуют не какие-то знаменитые исторические герои, а самые обычные мирные люди, простые и скромные трудяги. Чем же они могут вдохновить бойца на фронте? Ясно, что только своим нравственным усилием борьбы со злом и победы над смертью, своим образцом преображения человека через обыденный подвиг.

В своё время известный русский литературовед и историк В. В. Кожинов весьма точно сформулировал глубинный смысл шолоховского романа «Тихий Дон». Однако очевидно, что эта формулировка относится и ко всему творчеству М. А. Шолохова, в том числе и к его последнему роману «Они сражались за Родину». «Великая правда «Тихого Дона» (сам Шолохов говорил, что вся его цель – «большая человеческая правда»), – писал учёный, – правда, роднящая его с гомеровскими и шекспировскими творениями, заключается в том, что в его героях, если мерить их вековыми, или, вернее, «вечными», понятиями, постоянно и поистине смертельно борются Божеское и сатанинское… Истинный смысл «Тихого Дона» (в отличие от множества повествований о революции) пребывает глубже борьбы красных и белых; «дьявол с Богом борется» в сердцах и тех и других – и в равной мере… «Тихий Дон», подобно творениям Гомера и Шекспира, обращён не к сегодняшнему, а к вечному противостоянию»[3]. Собственно, в этом и состоит «секрет» силы этого романа.

Именно о таком «вечном противостоянии» добра и зла в самом человеке повествуется и в романе «Они сражались за Роди-

---

[1] Литвинов В. Книга как жизнь // Шолохов М. А. Тихий Дон. – М.: Худ. литература, 1980. С. 25.

[2] Цит. по: Гура В. В. Жизнь и творчество М. А. Шолохова. С. 238.

[3] Кожинов В. В. «Тихий Дон» М. А. Шолохова // Кожинов В. В. Победы и беды России. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 280; 282.

ну». Именно нравственное преображение человеческой души и души целого народа в борьбе со злом происходило на войне, которая велась Россией за жизнь против смерти в самом буквальном смысле слова, поскольку европейские агрессоры во главе с гитлеровской Германией ставили своей целью полное порабощение и уничтожение народов России, в то время существовавшей в форме СССР. Это было историческое и нравственное зло в самом его явном и предельном выражении. Но русский человек смог победить европейский нацизм и фашизм именно потому, что он вспомнил, что он русский – то есть человек, способный к нравственному преображению в самых суровых и страшных обстоятельствах. И победить внешнего агрессора удалось именно потому, что русский человек сначала в самом себе сумел победить зло и свои недостатки – и именно эта внутренняя нравственная победа затем дала силы и для победы над внешним врагом. Как показывает философское осмысление русской истории, именно внутреннее нравственное преображение всегда было источником силы русского народа и государства, источником всех их великих исторических свершений.

Главная ценность последнего, формально незавершённого, но на самом деле глубоко целостного по смыслу и по исполнению романа М. А. Шолохова – это особое «упражнение для души», благодаря которому она способна к нравственному преображению – и не вопреки, но и благодаря страшным испытаниям войной. Этот роман ярко показывает, что подлинный патриотизм вовсе не является «естественным» чувством, но он вырастает в тяжёлых испытаниях, проходя через минуты сомнений и печали, и созидается только в результате и личного, и всенародного подвига. В этом и состоит та особая «выпрямляющая способность» души, о которой применительно к творчеству А. С. Пушкина писал в своё время П. Палиевский, но которая является и главной нравственной силой всей русской литературы, навсегда живущей по заветам автора «Пророка». В XX веке это «выпрямление» души народа в силу известных обстоятельств оказалось особенно трудным и трагическим, но тем не менее, оно происходило не менее мощно, чем всегда, поэтому и оставило свой ценнейший опыт в русской литературе этого периода.

г. Луганск